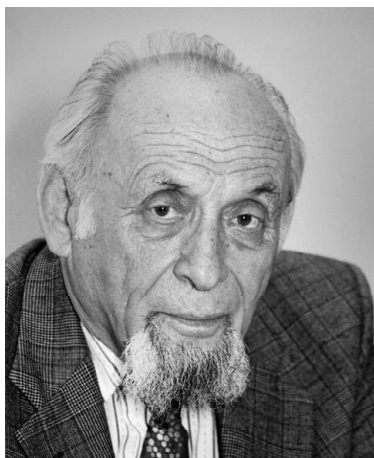

Соломон Элиазарович Крапивенский (1930–2006)

доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
академик Академии гуманитарных наук

Писать о таких людях, как Соломон Элиазарович Крапивенский, просто и трудно одновременно. Просто – потому что при одной только мысли о нем на лице появляется улыбка, лицо приобретает мечтательное выражение, в сознании возникают яркие и добрые образы, а в душе разливается невыразимая теплота. Трудно – потому что этого светлого, доброго, чуткого и бережного к людям человека, а самое главное – мудрого, сейчас нет рядом.

Говорят, что люди бывают разные: хорошие и плохие, добрые и злые, внимательные и безразличные, бескорыстные и завистливые, словом, всякие. Очевидно, это действительно так. Но в последнее время я все чаще прихожу к мысли о том, что мне везло и везет в жизни на хороших людей. Думается, это потому, что все-таки их – хороших людей – больше. Таким человеком, с которым я встретила в самом начале своей преподавательской деятельности, был Соломон Элиазарович.

Мы познакомились в Волгоградском университете первого сентября 1982 года. Я, молодой специалист, приехала по распределению (социологом!). Нас познакомила Валентина Федоровна Ардельянова, которая принимала меня на работу в отделе кадров. Нужно было видеть выражение лица, а особенно глаза, полные изумления, заведующего кафедрой при встрече с новым сотрудником! Объяснялось все просто: 15 сентября я уходила в декретный отпуск. Вот такого молодого специалиста и получил Соломон Элиазарович. Из этого

короткого мига работы самое яркое воспоминание – первое заседание кафедры. Сам заведующий – Крапивенский Соломон Элиазарович, Аносова Виктория Валентиновна, Омельченко Николай Викторович распределяли нагрузку на троих, с интересом разглядывая меня. В целом заседание кафедры прошло в хорошей рабочей и дружественной обстановке.

Наша реальная совместная работа началась с февраля 1984 года. Я, зная, что педагогическая практика в годы учебы была больше формальностью, чем действительным приобретением опыта, набрала в библиотеке книжек по методике преподавания и составляла подробные планы семинарских занятий. Каждое занятие я ждала своего заведующего на семинаре: сначала с волнением (вдруг что-то не так!), потом с нетерпением (я же была готова!), а он все не приходил. Я перепробовала на занятиях все известные формы, методики и приемы. После каждого семинара на кафедре, практически вздохнув, я рассказывала, как отвечали, о чем говорили и спорили студенты. А Соломон Элиазарович все слушал, иногда комментировал услышанное, но на семинары не приходил. Только позже я поняла, что это был в действии его принцип свободы творчества, и всегда с благодарностью вспоминала Соломона Элиазаровича за такое отношение к себе и своей работе.

Вообще, работа с Соломоном Элиазаровичем – это полное ощущение комфорта, за-

щищенности и отеческой заботы. Ты всегда, в любой момент дня и ночи знал, что есть человек, которому можно позвонить, к которому можно прийти домой и спросить обо всем, что тебя волнует в этот момент, поделиться проблемой и получить хороший совет, решение и поддержку. Я помню свое ощущение в это время: на работу хотелось идти, так как там тебя ждали не просто коллеги, а друзья. Нам было интересно друг с другом и всем вместе. Общие темы, общие проблемы, которые часто решались по инициативе Соломона Элиазаровича «мозговым штурмом», когда, независимо от званий и регалий, можно было высказаться о своем понимании проблемы и путях ее решения. И никогда не было грубых и резких замечаний в ходе этих обсуждений. Единственное, что позволял себе Соломон Элиазарович, – это покачивание головой. Что самое интересное, последнее слово всегда оставалось за ним – и оно-то и было самым верным. Как говорил в эти моменты наш коллега Александр Власьевич Нилов: «Ну, ты – Соломон!»

Что такое педагогический талант, каким должен быть настоящий Учитель, я поняла, когда работала над кандидатской диссертацией. Моим научным руководителем был Соломон Элиазарович (других вариантов, по определению, не могло быть). Конечно, иногда просто хотелось, чтобы он взял и исправил текст, написал, как нужно. Но Соломон Элиазарович никогда не позволял себе таких отношений с аспирантом. В этом процессе – подготовке диссертации – мы были партнерами, соавторами в замысле, идее, концепции. Но основная роль в реализации всего этого на бумаге доставалась мне, конечно, под проницательным и внимательным взглядом научного руководителя. И знаете, что в нем подкупало больше всего – умение просто по-детски радоваться успехам своих учеников. Научные работы, статьи, тезисы, выступления на конференциях, защиты диссертаций – ничего не оставалось незамеченным и всегда получало свою справедливую оценку. Может быть, поэтому научная школа, выращенная Соломоном Элиазаровичем, именно выращенная огромным трудом, терпением, на основе взаимоуважения, стала действительной школой для нас – его учеников.

Отдельного внимания заслуживают обсуждения на кафедре его учебников: «Социальная философия» и «Общий курс философии». У нас ни у кого и мысли не возникало, что наши замечания, критические выступления могут обидеть или останутся незамеченными. Я столько раз читала его учебник по социальной философии в рукописи, что к тому моменту, когда он вышел, я знала его практически наизусть. Вообще, любые обсуждения статей, монографий, текстов диссертаций при всех замечаниях проходили очень доброжелательно. После таких обсуждений хотелось только одного – работать, сделать так, чтобы твоя научная работа была еще лучше. А результат – наши коллективные монографии, открытие специальности «Философия», первые конференции «Человек в современных философских концепциях».

И конечно, о Соломоне Элиазаровиче нельзя говорить, не вспоминая наши кафедральные традиции. Благодаря этим традициям, да и вообще духу, царившему на кафедре, нам, по-хорошему, завидовал весь университет. Кафедра С.Э. Крапивенского была самая дружная, самая активная, самая творческая и, вообще, самая-самая...

Два раза в год мы собирались всей кафедрой (именно всей кафедрой!) в гостях у Виктории Валентиновны Аносовой: в Старый Новый год – 13 января и в день рождения хозяйки – 30 апреля. Это святые даты для кафедры. Ничто не могло помешать нам собраться в эти дни. И самое главное, что происходило на этих встречах, – это песни. Их все знали много, конечно, в основном песни 50–70-х годов, а в принципе – всякие. Но пели все! Заводилой был, как всегда, Соломон Элиазарович! Кто из нас не знал «На Волге широкой», «Есть только миг...» и многие другие его любимые песни! У нас практически у каждого есть кассета с записью нашего песенного творчества. Я так думаю, что, по большому счету, ради этих песен мы и собирались. И не важно, есть ли у тебя слух, голос, мы пели душой – большим, дружным, добрым коллективом. И этот коллектив создал, вырастил Соломон Элиазарович!

Конечно, и в жизни кафедры, и в работе случалось всякое. Но когда было тяжело, когда что-то не получалось, выход всегда нахо-

дил заведующий. Чего стоило только его известное: «Давайте поговорим о чем-нибудь веселом, например, о холере в Одессе». И с этого момента начиналась новая жизнь, и открывалось второе дыхание.

Я думаю, что со мной согласятся многие мои коллеги. Восемнадцать лет мы жили, как за каменной стеной, и эта стена называлась «Соломон Элиазарович»!

Об этом трудно и грустно писать, но после его отъезда в Израиль мы осиротели. Не потому, что у нас не стало заведующего. Нет. У нас не стало стены, которая защищала в любую непогоду, на которую можно было опереться, к которой можно было прийти поплакать (или пожаловаться), если хотите.

Знаете, в детстве разница в пять-семь лет огромна. Когда вырастешь, эта разница становится менее заметной. Когда кафедра начиналась, мы были лаборантами, ассистентами, старшими преподавателями, потом кандидатами и докторами наук, доцентами, профессорами. Соломон Элиазарович уехал, а мы – взрослые самостоятельные доценты с кандидатами – примерно одного возраста. Как тут подчиняться, авторитетов-то нет, все рав-

ны. Это был трудный период для кафедры. Для себя я его определила как кафедральный «кризис среднего возраста». Было тяжело, но мы, так или иначе, основными силами кафедры пытались сохранить наследие С.Э. Крапивенского. Это не всегда удавалось, чаще даже не удавалось, но были ориентиры. Мы знали, что можно жить и работать иначе – и так этого хотелось!

Боже, как мы радовались, когда Соломон Элиазарович вернулся. Конечно, не было по-детски щенячьего восторга. Было осознание важности и нужности этого человека в твоей жизни – и мы шли к нему со своими проблемами и вопросами, как и прежде. Жаль, что его нет сейчас с нами. Я представляю, как бы он радовался нашему Университетскому Дню рождения.

Если честно, я благодарна судьбе, что в моей жизни был такой человек – Соломон Элиазарович Крапивенский, мудрый, светлый и добрый. Он любил жизнь, любил, несмотря ни на что, этот мир и этой любви учил нас. Он и нас любил со всеми нашими характерами и проблемами, а мы, как могли, старались быть достойными этой любви.

*Ольга Диденко,
доцент кафедры философии,
председатель профсоюзной организации
сотрудников и студентов ВолГУ*